

УДК 070(09):82

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Публицистический диалог
К. Малапарте и Л.Д. Троцкого
(роман «Бал в Кремле»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена публицистическому аспекту романа итальянского писателя К. Малапарте «Бал в Кремле». Этот роман написан как воспоминания о поездке в СССР в 1929 г. и посвящен жизни советской элиты. В романе Малапарте продолжает полемику с Л. Троцким. Троцкий ранее утверждал, что коррумпированная советская элита – сторонники Сталина. Наоборот, Малапарте стремится показать, что коррумпированная элита – сторонники Троцкого.

Ключевые слова: К. Малапарте, Л.Д. Троцкий, роман «Бал в Кремле», термидор, советская элита

Для цитирования: Одесский М.П. Публицистический диалог К. Малапарте и Л.Д. Троцкого (роман «Бал в Кремле») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 109–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Curtio Malaparte's polemic with L. Trotsky
(the novel "The Ball at the Kremlin")

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, modessky@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the polemic aspect of the novel by Italian writer K. Malaparte "The Ball in the Kremlin". This novel is written as memories of a trip to the USSR in 1929 and is dedicated to the life of the Soviet elite. In the novel Malaparte continues the debate with Leon Trotsky. Trotsky had previously claimed that the corrupt Soviet elite were Stalin's supporters. On the contrary, Malaparte seeks to show that the corrupt elite are supporters of Trotsky.

© Одесский М.П., 2019

Keywords: Curtio Malaparte, L. Trotsky, the novel “The Ball at the Kremlin”, Thermidor, Soviet elite

For citation: Odesskiy, M.P. (2019), “Curtio Malaparte’s polemic with L. Trotsky (the novel “The Ball at the Kremlin”)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 109-117, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Итальянский писатель Курцио Малапарте (Курт Эрих Зукерт, 1898–1957) эпатазирующей парадоксальностью своих сочинений будоражил читателей в течение нескольких десятилетий (см. его новейшую биографию [Serra 2012]). В романах «Капут» (1944) и «Шкура» (1949) он пытался поставить мировоззренческий диагноз Европе, выходящей и вышедшей из кошмара Второй мировой войны. Еще на той стадии, когда роман «Шкура» о конце войны и падении Муссолини не был завершен, в его составе начал кристаллизироваться роман о советской Москве. Впоследствии планы писателя изменились, роман, в итоге озаглавленный «Бал в Кремле», отделился от «Шкуры», но не был закончен, и его опубликовали после смерти автора (1971).

Основой «Бала в Кремле» стали воспоминания о посещении СССР в мае–июне 1929 г., где Малапарте – в ту пору сотрудничавший с фашистским режимом и редактировавший популярную туринскую газету “Stampa” – собирал материалы по социалистической стране, истории русской революции, биографии Ленина. Но если в 1929 г. действительные впечатления Малапарте были ориентированы на поиск новых перспектив, подразумеваемых советским опытом, то автор «Бала в Кремле» уже возвращается к этому опыту в послевоенной ситуации и даже прибегает к политическому дискурсу, который напоминает об идущей «холодной войне»:

Автор глубоко убежден, что если нынешняя марксистская знать будет господствовать в Европе, он сам и все его читатели закончат у стенки. <...> Мысль о том, что все свободные люди в Европе и в целом мире будут уничтожены жестокой, алчной и аморальной марксистской знатю, заслуживает серьезного обдумывания¹.

Равным образом, жанр, к которому принадлежит «Бал в Кремле», отнюдь не воспоминания или документальный травелог (как у Вальтера Беньямина, Андре Жида и других знаменитых гостей Советского Союза). Это – подчеркивает Малапарте в первом же

¹ *Malaparte C. Il ballo al Kremlin (Materiale per un romanzo) / A cura di R. Rodondi. Milano: Adelphi Edizioni, 2012. P. 15–16.*

предложении своей книги – роман: «В этом романе, представляющем собой верный портрет марксистской знати в СССР...»². Точнее – оригинальный исторический роман о событиях 1929 г.

Автор вводит в повествование реальных деятелей недавнего прошлого и самого себя, но вместе с тем сохраняет за собой право на вымысел, иногда – трудно обнаружимый, иногда – прямо демонстративный (в 1929 г. он якобы посещает квартиру погибшего Маяковского, который, как известно, застрелился в 1930-м). В результате роман подобного типа оказывается синтезом художественного и публицистического компонентов: Малапарте, не ограничиваясь колоритными образами, спорит и агрессивно убеждает читателя, причем одни аргументы явно восходят к концу 1920-х, когда он впервые приехал в СССР, а другие – к 1940–1950-м гг., когда работал над романом. Отсюда задача данной статьи – анализ принципиальной для публицистического компонента «Бала в Кремле» полемики с Л.Д. Троцким.

* * *

Роман озаглавлен «Бал в Кремле». Однако бал, который мотивирует заглавие, происходит на другом берегу Москвы-реки, напротив Кремля, – в здании британского посольства на Софийской набережной. Торжественный прием, устроенный в мае 1929 г. Эсмондом Овеем (посол в 1925–1929 гг.), украшают «звезды» московского бомонда: дипломаты Лев (в романе Алексис) Карахан и Д.Т. Флоринский, блистательные красавицы-«beauties» – актриса Розенель-Луначарская (жена наркома просвещения), балерина Семенова, жена влиятельного политика Бубнова (в скором времени преемника Луначарского на его посту), жены военачальников (в романе названы маршалами, но чин будет введен только в 1935 г.) Буденного и Егорова (актриса Цешковская). Роскошные туалеты, оркестр играет танго из фильма «Я целую Вашу руку» (1929) австрийского режиссера Роберта Ланда (музыка Ральфа Эрвина; пикантно, что фильм посвящен парижской жизни русских эмигрантов) и прочие западные хиты. Светский разговор ведется об отношениях Карахана и Семеновой. То есть Кремль у Малапарте не древний архитектурный комплекс в центре Москвы, а символическое обозначение главного героя романа – коммунистической аристократии.

Автор подразумевает здесь базовую для романа аналогию Октябрьской революции с Французской революцией XVIII в., прежде всего переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.), когда якобинская диктатура Робеспьера была свергнута его же бывшими

² Ibid. P. 16.

соратниками. Победители-«термидорианцы» установили новое революционное правительство – Директорию, фактически возглавленную Полем Баррасом, которая 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.), в свою очередь, была свергнута революционным же генералом Наполеоном Бонапартом.

Отсюда, продолжая аналогию, уподобление кремлевской аристократии – «революционной знати, которая появилась в годы Французской революции и которая во времена Директории толпилась у кресла Барраса»³, а «Сталин ведь был Бонапартом после восемнадцатого брюмера, хозяином, диктатором, коммунистическая знать была против него, как класс парвеню Директории был против Бонапарта»⁴. Возможно, отсюда же такая анахронистическая деталь, как упорное именование советских полководцев «маршалами»: чин был введен позднее – в 1935 г., но зато получается эффектная параллель с маршалами Наполеона. К примеру, «голововокружительная карьера от нижнего чина царской армии до маршала Красной кавалерии» С.М. Буденного названа карьерой «от *sousoff* до Мюрата»⁵: храбрый кавалерист Иоахим Мюрат (1767–1815) во времена революции и Наполеона тоже поднялся от сублейтенанта в 1792 г. (*sousoff*, буквально «суб-офицер») – до маршала Франции в 1804 г.

Такого рода сопоставления с Французской революцией нельзя признать оригинальными (см. подробнее: [Одесский, Фельдман 2012, с. 17–168]). Напротив, это – устойчивый символический код, еще в XIX в. востребованный не только и не столько учеными, сколько публицистами, политиками, в частности профессиональными революционерами. В этой системе свое место занимал и «термидор».

При помощи аллюзии на «термидорианскую» реакцию оппоненты почти сразу начали оценивать политику В.И. Ленина: меньшевик Ю.О. Мартов употреблял термин в негативном смысле, именуя «термидором» большевистскую диктатуру как искажение социалистической программы, а кадет Н.В. Устрялов – в позитивном смысле, приветствуя НЭП как возвращение к национальной государственности и частной собственности. Сами большевики эти терминологические игры понимали, реагировали на них, но в официальных документах не употребляли. Изменилась ситуация в середине 1920-х. Сторонники Троцкого – представители так называемой левой оппозиции – обвинили в «термидорианстве» (точнее – в «термидорианской» тенденции) И.В. Сталина и руко-

³ Ibid. P. 12.

⁴ Ibid. P. 19.

⁵ Ibid. P. 38.

водство партии, намекая на отказ от идеалов Октябрьской революции, «перерождение», и на троцкистской демонстрации, приуроченной к 10-летию Октября, несли плакаты «Долой Термидор!» (см. об этапах и нюансах борьбы за идеологему «термидор»: [Кондратьева 1993]).

После изгнания из СССР Троцкий, освободившись от цензуры и самоцензуры, продолжил разработку концепции советского «термидора» и превратил ее в своего рода брэнд. Согласно Троцкому, истинная суть «термидора» заключается в бюрократизации революционного государства, что хотя позволяет сохранять некоторые завоевания революции (организатор захвата власти в Октябре 1917 г. не мыслил себя отдельно от мифа социалистической революции), но обуславливает раскол коммунистической элиты, отрыв партийного руководства от революционного класса, ликвидацию «старой гвардии» и перерождение оставшихся. Отмечая все новые и новые моменты сходства французского и советского «термидора», Троцкий, в частности, указывал: «Период борьбы с троцкизмом был вместе с тем временем расцвета всякого рода секретных и полусекретных салонов и вообще своего рода светской жизни»⁶.

Троцкий в романе не фигурирует, он уже изгнан и табуирован (правда, подробно описана беседа с О.Д. Каменевой, сестрой Троцкого и бывшей женой другого опального вождя – Каменева), однако концепция Малапарте нацелена против Троцкого. Согласно «Балу в Кремле», «термидор» – определение не тех, с кем троцкизм спорит, а троцкизма:

Про себя я смеялся, думая об изгнании Троцкого. <...> Для меня отвратительно было не то, что он убил тысячи буржуа, контрреволюционеров, царских офицеров, а то, что он убивал их, движимый дурными чувствами. <...> Я винил его в том, что он возглавил политическую группировку, которая, как это ни странно, отождествляла себя с советским правящим классом в 1929–1930 годы. За полемикой Троцкого стояли педерасты, шлюхи, разбогатевшие мещанки, низшие офицерские чины – все, кто нажил на Октябрьской революции⁷.

Отождествив кремлевскую элиту 1929 г. с «термидором», а «термидор» – с троцкизмом, Малапарте придал своему послевоенному роману статус очередной реплики в многолетнем диалоге с Троцким. За двадцать лет до того – по собранным в СССР

⁶ *Троцкий Л.Д.* Сталин: В 2 т. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Т. 2. М.: Терра–Тerra: Политиздат, 1990. С. 217.

⁷ *Malaparte C.* Op. cit. P. 49.

в 1929 г. материалам – Малапарте по-французски опубликовал трактат «Техника государственного переворота» (1931; по-итальянски издан в 1948 г., после падения Муссолини), один из политических шедевров века.

По мнению автора эпатажного трактата, концепция народного восстания, освященная революционной традицией XVIII–XX вв., устарела. На его взгляд, актуальным реалиям отвечает другая концепция – «государственного переворота», который производит компактная штурмовая группа боевиков, нацеленная на захват не правительственных учреждений, а городских коммуникаций. С этой точки зрения Наполеон, Юзеф Пилсудский или Гитлер (на момент написания трактата) – неудачники-дилетанты. И даже – Ленин. Первооткрывателем же и мастером новой рациональной техники объявляется Троцкий: «Если Ленин – стратег большевистской революции, то Троцкий – тактик государственного переворота в октябре 1917 года»⁸.

У Малапарте достойный соперник Троцкого – лишь Сталин. Он изучил изобретенную Троцким «технологию» и теперь способен остановить «великого мятежника»:

Сталин – единственный государственный деятель Европы, который сумел извлечь урок из октябрьских событий 1917 года. Если коммунисты всех европейских стран должны учиться у Троцкого искусству захвата власти, то либеральные и демократические правительства должны учиться у Сталина искусству защищать государство от повстанческой тактики коммунистов, то есть от тактики Троцкого⁹.

Сталин – человек не слова, а воли, практик, вставший на защиту государства:

Сталину совершенно несвойственны такие качества русских, как апатия, ленивое непротивление добру и злу, туманный, бунтарский и вредоносный альтруизм, наивная и жестокая доброта. Сталин не русский, он грузин: его хитрость соткана из терпения, воли и здравого смысла; он упрямец и оптимист¹⁰.

Примечательно, что в 1956 г. Малапарте опубликовал статью «Визит к Сталину», где уважительно поведал о состоявшейся

⁸ Малапарте К. Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1998. С. 92.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 132–133.

в 1929 г. беседе с советским лидером, которая, по его словам, касалась положения рабочих завода «Фиат», условий их труда, культурной работы и т. п. Однако в романе об этом ни слова.

За «Технику государственного переворота» Малапарте в Италии подвергался репрессиям, в гитлеровской Германии книгу публично сжигали, но и Троцкий, который вроде мог быть польщен концепцией автора, от нее отмежевался. Для теоретика перманентной революции, вызванной объективными историческими обстоятельствами, концепция итальянского писателя – реакционна и неадекватна:

Итальянский писатель... посетил в 1929 году советскую Москву, перепутал то небольшое, что услышал из пятых уст, и на этом фундаменте построил книгу о «Технике государственного переворота». Фамилия этого писателя, Маляпарте (так! – *М. О.*), позволяет легко отличить его от другого специалиста по государственным переворотам, который носил имя Буонапарте. В противовес «стратегии Ленина», которая связана с социальными и политическими условиями России 1917 года, «тактика Троцкого, – по словам Маляпарте, напротив, не связана с общими условиями страны». <...> Маляпарте много раз повторяет, что в октябре победила не стратегия Ленина, а тактика Троцкого. Эта тактика и сейчас угрожает спокойствию европейских государств. <...> Тщетно стали бы мы допытываться, для чего вообще нужна стратегия Ленина, зависящая от исторических условий, если тактика Троцкого разрешает ту же задачу при всякой обстановке. Остается добавить, что замечательная книга вышла уже на нескольких языках. Государственные люди учатся по ней, очевидно, отражать государственные перевороты. Пожелаем им всякого успеха»¹¹.

Соответственно в романе «Бал в Кремле» – уже с учетом Второй мировой – Малапарте представляет прямо-таки апокалиптические картины того, какую опасность для сталинского СССР мог представлять Троцкий:

Сталин выиграл войну против Гитлера в тот день, когда Жак Морнар (имя, под которым первоначально был известен Р. Меркадер, исполнитель убийства Троцкого в 1940 г. – *М. О.*) убил Троцкого, ударив его по затылку ледорубом. В тот день Гитлер проиграл войну. Войну выиграл Морнар, а не маршал Жуков. Вернись Троцкий в Россию в июне 1941 года, войди он в те чудесные теплые дни на Украину

¹¹ *Троцкий Л.Д.* История русской революции: В 2 т. / Общ. ред. Н. Васецкого. Т. 2. М.: Терра: Республика, 1997. С. 264.

в сопровождении попов в парадных одеяниях, распевających старинные песнопения, во главе толпы солдат и офицеров, ему бы вышел навстречу весь украинский народ. Потому что Троцкий воплощал контрреволюцию, а только контрреволюция может или могла одолеть коммунистическую Россию. Весь московский правящий класс занял бы сторону Троцкого. Потому что при коммунистическом режиме бюрократия является и всегда будет троцкистской. Мы бы увидели, как всё невероятным образом становится с ног с голову: народ пошел бы за Троцким. А Россия, оставаясь советской по названию, стала бы фашистской Россией, в ее главе стоял бы похожий на Муссолини еврей – любитель разглагольствований и полемики, милитарист, напыщенный, высокопарный, самодовольный, наслаждающийся жизнью, со свитой сверкающих галунами и драгоценностями придворных. Потому что троцкизм – это фашизм...¹²

Именно Троцкий в романе «Бал в Кремле» – символ марксистской знати, деградировавшей и предавшей рабочий класс; наоборот, Сталин прокладывает дорогу новому поколению: «...новая знать, вышедшая из военного коммунизма и из НЭПа... теперь уступила место *элите стахановцев, ударников* (два последних существительных Малапарте транслитерирует. – М. О.), сталинской *элите* пятилеток – безжалостной, жалкой, но все же более человеческой»¹³.

Необходимо обратить внимание: по Малапарте, достоинство новой элиты отнюдь не в ее приверженности марксизму и вообще не в теории, а в ее человечности. Неясно, правда, почему и после Второй мировой войны Европа должна по-прежнему опасаться «марксистской знати», коль скоро она – троцкистская, следовательно, должна была быть давно уничтожена Сталиным.

Таким образом, в романе Малапарте «Бал в Кремле» документальные свидетельства о 1929 г. и зарисовки упадочных кремлевских нравов равно подчинены решению не только художественных, но и публицистических задач. В их ряду одна из важнейших – сопоставление французской и русской революций, функционирующее в контексте многолетнего публицистического диалога с покойным уже «великим мятежником».

¹² *Malaparte C.* Op. cit. P. 49–50.

¹³ *Ibid.* P. 143.

Литература

- Кондратьева 1993 – *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М.: Ипол, 1993.
- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираниборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Serra 2012 – *Serra M.* Malaparte: Vitee Leggende. Venezia: Marsilio Editori, 2012.

References

- Kondratieva, T. (1993), *Bolsheviks-Jacobins and the spectre of Thermidor*, Ipol, Moscow, Russia.
- Odesskiy, M.P. and Fel'dman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tyranoborchestvo. Revol'utsiya. Terror*. [Poetics of the power. The tyrannicides. The revolution. The terror], Russian political encyclopedia, Moscow, Russia.
- Serra, M. (2012), *Malaparte: Vite e Leggende*, Marsilio Editori, Venezia, Italy.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia; modessky@mail.ru